

ББК 81.2Р—7

С 797

Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. научн. трудов
С 797 / Отв. ред. М.П.Котюрова; Перм. ун-т.—Пермь, 2004.—392 с.

ISBN 5-7944-0449-3

Межвузовский тематический сборник посвящен актуальной и малоразработанной в функциональной лингвистике и смежных с ней дисциплинах—когнитивной лингвистике, стилистике текста, прагматике текста, терминоведению, теории перевода и др. — проблеме взаимодействия стереотипного и творческого компонентов в функциональных стилях речи, а также разных типах текста, обусловленных экстралингвистической основой целых произведений.

Сборник окажется полезным для филологов, интересующихся проблемами функциональной стилистики, коммуникативной лингвистики, лингвистики текста и культуры речи, а также для учителей-словесников.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского государственного университета

Рецензент: кафедра общего и славянского языкознания Пермского государственного университета

Редакционная коллегия:

Е.А.Баженова, О.И.Богословская, Н.В.Данилевская, М.Н.Кожина, М.П.Котюрова — главный редактор

Издание сборника осуществлено по результатам открытого конкурса научных издательских проектов 2004 г. при финансовой поддержке Департамента промышленности и науки Пермской области

ISBN 5-7944-0449-3

© Пермский государственный университет, 2004

© Коллектив авторов, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Седьмой выпуск сборника "Стереотипность и творчество в тексте" открывается статьей проф. *КЭ.Штайн*, осуществившей разносторонний анализ достижений основного—функционально-стилистического — научного направления кафедры русского языка и стилистики Пермского университета.

Особенностью содержания данного выпуска можно считать наличие — в I и II разделах — обобщающих материалов историко-научного характера (*Т.В.Вяничевой*), статей, посвященных развитию функционально-стилистических понятий *стилевая черта* (на материале разных функциональных стилей—*А.Стояновича*, фольклорного текста — *М.Л.Венгранович*), *свойства текста*, обусловленные как порождением (*Л.С.Гуренко*), так и пониманием текста (*Е.В.Левченко*), *познавательная оценка* как "начало начал" в развертывании в тексте нового знания наряду со старым — *К.В.Данилевской*, "власть *дискурса*" в научном познании — *В.Е.Чернявской*, а также статьи, ориентированной на *культурно-речевой* аспект проблемы соотношения стереотипного и творческого в научном тексте (*М.П.Котюровой*). *С.Л.Мишланова* и *Т.М.Пермякова* представляют обзор отечественных и зарубежных работ, посвященных исследованию *концепта*.

Продолжается развитие проблемы выражения в тексте формирующегося нового знания (см. статьи *Н.В.Данилевской* во всех выпусках этого сборника — 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003), а также проблем научного перевода. Проф. *Л.М.Алексеева* и на этот раз (см. статьи в каждом выпуске этого сборника) нашла новый подход к переводу научных текстов, утверждая в переводоведении достаточно новое для него понятие *антропологизма*.

Читатель может заметить изменения в тематике: в III разделе появились статьи, посвященные публицистическому стилю (*Л.Р.Дускаевой*, *В.И.Конькова*). Проф. *Мария Войтак*, автор статей о религиозных текстах (см. все предыдущие выпуски), подготовила заметки о стиле бытовых текстов. Вместе с тем религиозная тема представлена здесь статьей *М.М.Лоевской* об интер-

живого интереса крупнейшей французской компании, претендовавшей на то, чтобы оно было переработано на ее мощностях.

В материале "Успехи без головокружения" автор устанавливает причинно-следственную связь между взглядами оппонентов и их отношением к народу, но осуществляет это, наполняя текст экспрессивной оценочностью:

Либеральные партии проиграли задолго до нынешних выборов. К примеру, беда лидеров СПС и тех, кто их поддерживает, в том, что они абсолютно лишены чувства реальности, и в мыслях, и в жизни отделены китайской стеной от простого человека. У них нет даже понимания того, что их либеральный язык, их либеральные страхи просто непонятны подавляющему большинству населения.

В оценочных жанрах важно не просто выявить причинно-следственную связь, но и оценить ее. В данном случае для оценки используются многочисленные интензивы с оценочной семантикой.

Итак, третий цикл рассматриваемой жанровой модели организуется следующим образом: контрдоводы оппонента становятся "толчком" к познавательной-речевой активности автора, в ответ он высказывает свою позицию, выстраивая обоснование с ориентацией на полемику с оппонентом. В результате обоснование предупреждает прогнозируемые возражения оппонента. Регулятивами в этом случае выступают оценочные средства, направленные на оценку ментальных действий оппонента. Данная жанровая модель активно используется в собственно диалогических текстах: дискуссиях, публикациях "круглых" столов и др.

Таким образом, в журналистике сформирована жанровая модель, целеустановка которой — утвердить свою позицию в полемике с оппонентом через экспликацию оценки. Благодаря использованию такой модели журналист достигает важной коммуникативной цели — выработать в споре с оппонентом через оценку мнения другого лица общее с читателем мнение о предмете речи. Стилистической приметой этой жанровой модели является открытое выражение семантики диалогических отношений между коммуникантами, межтекстовых связей, а также оценки чужой позиции.

РЕЧЕВОЙ КОЛЛЕКТИВ КАК ЕДИНИЦА ЧЛЕНЕНИЯ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ ОБЩЕСТВА

В данной работе мы ставим перед собой следующую цель: осмыслить, каким образом происходит членение и классификация речевой продукции, а также предложить еще один путь описания речевой практики общества.

Когда заходит речь об упорядочении речевого материала, то мы видим, что исследователи смотрят на речевой материал по-разному, выявляя возможные и необходимые аспекты его описания. Поэтому в поле зрения исследователей оказываются разные категории. В последнее время активизировались исследования на основе категории языковой (речевой) личности (Богин 1975; Караулов 1987). Активно исследуется расслоение языка на социально обусловленные разновидности (Современный русский язык 2003). По-прежнему многочисленны исследования, которые прямо или косвенно связаны с понятием "стиль". Однако, несмотря на то что стилиевые исследования имеют давние традиции, некоторые важные положения до сих пор оказываются непроясненными.

Наиболее распространено членение речевого материала на основе категории функционального стиля. Но при этом далеко не всегда оговаривается, что именно имеется в виду: распределение по стилям речевой продукции или членение, которое осуществляется как отвлеченная мыслительная операция, состоящая в том, что в языковой системе выделяется некая подсистема, которая и понимается как стиль, то есть разновидность литературного языка. Если учесть тот факт, что в описании стилей существенное место занимает поуровневое описание (лексические, морфологические, синтаксические особенности стиля), то становится очевидным, что в основе такого описания лежит подход к стилю как к стилю языка. Стиль предстает как некий мыслительный

конструкт, отвлеченный объект, нечто вторичное по отношению к речевой практике.

Подобное истолкование функционального стиля дает ясное и четкое представление о его основных особенностях, позволяет четко и последовательно противопоставить один стиль другому. Вместе с тем такой подход, обобщая огромное количество разнообразного в своем единичном проявлении речевого материала, нивелирует его. Все разнообразие речевых стилей внутри той сферы деятельности человека, которая обслуживается тем или иным функциональным стилем, не получает адекватного описания. Так, понятие публицистический стиль не покрывает то разнообразие речевого материала, который порождается в сфере СМИ. Стили научной речи теряют свою ярко выраженную специфику, когда подвёрстываются под понятие научного стиля. Введение понятия подстиля лишь частично решает проблему. Все это говорит о том, что категория функционального стиля, при всех ее достоинствах, не обладает стопроцентной описательной силой. Для описания именно речевой практики общества, находящей воплощение в его речевой продукции, нужны и другие, дополняющие теорию функциональных стилей приемы описания стилевых явлений.

Нам представляется, что истоки описания первичных, наиболее простых и в то же время сущностных, явлений речевой практики общества подсказывает нам теория диалогичности М.М.Бахтина. Согласно этой теории, диалогические отношения — это отношения, которые неизбежно возникают между субъектами при их речевом взаимодействии и определяют как зарождение и формирование языка, так и его функционирование. Соответственно, и речь порождается только в условиях диалогических отношений. Диалогичность проявляется на всех уровнях языковой системы, во всех аспектах речевой деятельности: "Язык живет только в диалогическом общении пользующихся им. Диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка. Вся жизнь языка, в любой области его употребления (бытовой, деловой, научной, художественной и др.), пронизана диалогическими отношениями" (Бахтин 1972:212).

Из этого глобального принципа, на основе которого порождается речь, следует, что, изучая речевую практику общества, мы должны в первую очередь выявить конкретных производителей речи — те основные коммуникативные общественные образования, которые функционируют на основе принципа диалогичности и являются поставщиками речевой продукции.

Казалось бы, что здесь и так все ясно: единственным производителем речи является говорящий или пишущий человек. Именно человек как речевая личность порождает речевую продукцию. Однако суть концепции М.Бахтина состоит как раз в том, что любое произнесенное, написанное или осмысленное нами слово является реакцией на чужое слово, реальное или предположенное. Таким образом, человек становится производителем речевой продукции только в том случае, если он войдет хотя бы в простейшую коммуникативную систему, получив собеседника. Тогда и возникает эта простейшая коммуникативная система, в которой, кроме производителя речи, имеется собеседник, потребитель речи. Такие простейшие коммуникативные системы в огромном количестве образуются в бытовой повседневности: разговор с кондуктором в автобусе, с продавцом в магазине, с соседом в лифте и т.д.

Подобного рода речевой материал, относимый к разговорной речи, или к разговорному стилю, в своем порождении носит спонтанный характер. Здесь нет осознанного следования какой-то стилевой идее, как это имеет место, например, при написании текста публицистом для какого-нибудь издания или при создании писателем художественного произведения. Концепция речевого поведения здесь складывается стихийно, при этом она аккумулирует опыт поколений, и накопленная речевая культура передается от поколения к поколению путем непосредственного приобщения, подражания. Для того чтобы возник речевой стиль как нечто осознанное, нужны другие коммуникативные условия.

Под речевым стилем мы понимаем здесь свойство речевой деятельности, которое состоит в том, что речь при своем порождении строится на основе отбора, сочетания и употребления язы-

ковых единиц в соответствии со стилиобразующей концепцией. Наличие стилиобразующей концепции для стиля является обязательным. Стиль есть только там, где есть идея.

Субъектом, порождающим стилевую концепцию и воплощающим ее в жизнь, может быть только **речевой коллектив**. Разумеется, носителем речевой стилиобразующей идеи может быть и отдельная личность, но только в статусе члена речевого коллектива. Под речевым коллективом мы понимаем группу людей, связанных между собой коммуникативными отношениями. В этом отличие речевого коллектива от социальной группы. Только речевой коллектив может быть, с нашей точки зрения, генератором речи. Именно и только речевой коллектив способен породить полноценную речевую продукцию в сфере литературного языка.

В качестве речевых коллективов, существование которых представляется достаточно очевидным, можно рассматривать производственные коллективы, а также общественные, политические и профсоюзные организации и т.п. Специфика таких речевых коллективов состоит в том, что их создание и деятельность преследует цели, лежащие вне собственно речевой деятельности. Но при этом функционирование их возможно только на основе разнообразной речевой деятельности.

Подчеркнем, что речь идет не о социальных группах, а именно о речевых коллективах. В коллективе все его члены связаны между собой коммуникативными отношениями. Например, это имеет место в производственном коллективе, какой бы большой он ни был. Это не обязательно реальная реализованная речевая связь, которая реализовалась бы со стопроцентной вероятностью. В достаточно большом коллективе многие его члены за все время существования коллектива могут так и не вступить в речевой контакт, однако в своем речевом поведении они предстают в течение того времени, пока они находятся в коллективе, именно как члены этого коллектива, связанные между собой возможными и определенными для данного коллектива коммуникативными обязательствами.

В социальной группе, в отличие от коллектива, ее члены не связаны между собой коммуникативными отношениями. Так, пенсионеры, например, образуют социальную группу, но они не имеют коммуникативных обязательств перед членами своей социальной группы. Они свободны в своем речевом поведении. А моменты общности в их речевом поведении обусловлены не наличием коллектива, а причинами совершенно другого характера: возраст, полная или частичная выключенность из производственных отношений и т.п.

Речевой коллектив — структура иерархическая. Каждый член имеет свою речевую роль. Все члены речевого коллектива осознают свои коммуникативные речевые обязанности и в любое время могут их актуализировать. Социальная группа в речевом поведении регулируется другими механизмами.

Поясним сказанное на конкретном примере. Рассмотрим в качестве примера **производственного речевого коллектива** филологический факультет университета.

Первое, на что мы обращаем внимание, — это то, что его речевая деятельность неоднородна и формируется на основе различных, уже имеющихся стилевых концепций. Неоднородность речевой деятельности факультета глубоко структурирована.

Первый блок, весьма существенный по объему, объединяет речевую продукцию, обусловленную спецификой профессиональной деятельности:

- 1) устная научная речь как диалогического, так и монологического плана в сфере обучения (лекции, семинары, коллоквиумы);
- 2) устная научная речь как диалогического, так и монологического плана в сфере научного общения (доклады, дискуссии, обсуждения);
- 3) письменная научная речь в сфере обучения (учебные пособия, курсы лекций, методические разработки);
- 4) письменная научная речь в сфере научного общения (статьи, монографии, тезисы);
- 5) устная и письменная научная речь, сопровождающая процесс

научного исследования (речь, сопровождающая работу по составлению плана коллективных монографий, различного рода картотек и т.п.);

- б) учебная речевая продукция студентов (контрольные и курсовые работы, доклады и сообщения на коллоквиумах и семинарских занятиях и т.п.).

Второй блок состоит из вспомогательной речевой продукции, которая призвана обеспечить функционирование коллектива, в той его части, которая не зависит от характера трудовой деятельности коллектива. Это такие типы деловой речи, как:

- 1) документы, относящиеся к работе с кадрами;
- 2) документы, связанные с финансовой деятельностью;
- 3) документы, обеспечивающие связь с другими организациями.

Третий блок — это также вспомогательная речевая продукция, которая обеспечивает функционирование коллектива, но в той его части, которая обусловлена спецификой деятельности факультета как научно-учебного коллектива:

- 1) учебные планы и отчеты;
- 2) планы и отчеты по научной работе;
- 3) распределение педагогических поручений;
- 4) протоколы заседаний;
- 5) расписание;
- 6) ведомости, учетные карточки и т.п.;
- 7) речь на деканских совещаниях;
- 8) речь на ученых советах и т.д.

Четвертый блок включает речевую продукцию, связанную с личной жизнью членов речевого коллектива:

- 1) разговоры о личных делах во время лекций или докладов;
- 2) "пойдем покурим" как форма беседы о личной жизни;
- 3) беседы преподавателей друг с другом в перерывах на кафедре;
- 4) беседы в буфете за чашечкой кофе;
- 5) полуофициальный обмен мнениями по дороге домой;
- 6) различного рода выяснения отношений и т.д.;
- 7) приколотые и передаваемые из рук в руки записки и т.д.

Пятый блок формируется письменной речевой периферией, разнообразной по содержанию и речевому оформлению:

- 1) надписи на столах, стенах;
- 2) объявления, программы заседаний;
- 3) настенная низовая реклама;
- 4) стенгазеты.

Речевой материал пятого блока можно распределить по первым четырем блокам, но помещаем его в одну группу на том основании, что это тексты не традиционного типа с линейным принципом организации, а с плоскостной организацией материала.

Наконец, шестой блок представляет собой речевую жизнь, которую условно можно назвать общественно-организационной. Сюда можно отнести:

- 1) профессиональные праздники и юбилеи (день первокурсника, юбилей факультета, юбилей члена коллектива и др.);
- 2) дискуссионные клубы;
- 3) клубы самодеятельной песни, театр, КВН и т.п.;
- 4) спортивные секции;
- 5) ЛИТО, вечера поэзии и др.

Мы видим, что все шесть речевых блоков в совокупности создают речевую систему, которая в миниатюре представляет собой модель речевой практики общества в целом. В речевом производственном коллективе представлены все основные функционально-стилевые концепции: здесь и научный стиль, и официально-деловой, и публицистический (если понимать под этим воздействующую речь с ярко выраженным личностным началом), и литературно-художественный, и разговорный.

В теории функциональных стилей порождаемый обществом речевой материал упорядочивается по принципу соположения: в одну группу объединяются тексты, порожденные разными субъектами речи, но одной стилевой принадлежности. Точно так, как в библиотеке на одну полку, на один стеллаж, в один зал ставятся тексты одной стилевой принадлежности. А на другой полке, на другом стеллаже, в другом зале будут тексты другой стилевой принадлежности. Поэтому в библиотеке мы видим зал медицинс-

кой литературы, зал научно-технической литературы, отдел художественной литературы и т.д.

Наш пример речевой организации коллектива показывает, что существует и другой аспект членения речевой практики общества. Речевая продукция организована как многомерная система. Так, второе измерение придает речевой системе способ упорядочивания речевой деятельности коллектива по принципу вложения: один компонент (речевой коллектив) отражает в своей структуре системную организацию речевой практики общества в целом.

Кроме производственных коллективов, создание и производственная деятельность которых регламентированы в законодательном порядке, а речевая деятельность в своей основе, причем обязательной, регламентирована признанными обществом стилевыми концепциями (научный, официально-деловой стиль), в обществе постоянно происходит формирование **неформальных речевых коллективов**, которые создаются на относительно непродолжительное время и в которых происходит саморегулирование их речевой деятельности. Основа их речевой деятельности — неписанный кодекс речевого поведения, который носит неформальный характер.

Под неформальными речевыми коллективами мы понимаем группы людей, собирающиеся по своему желанию, подчас — случайно, на относительно небольшое время в одном месте. Такие группы произвольны по своему составу, а в речевом поведении связаны между собой правилами речевого поведения, обусловленными существующими обычаями, традициями. Обозревая свои личные "речевые окрестности", мы можем легко привести примеры таких неформальных речевых коллективов: пассажиры в купе, собравшиеся гости вместе с хозяевами, вагон электрички, группа туристов в походе, компания у пивного ларька, группы по изучению иностранных языков, правил вождения автомобиля и многого другого на различных курсах, больные в палате, разного рода ритуальные собрания — свадьба, похороны и т.д. Каждый гражданин периодически становится членом такого временного речевого коллектива. Рассмотрим их основные параметры.

Существенно различается время существования таких коммуникативных образований. Пассажиры в купе связаны совместными речевыми отношениями от нескольких часов до нескольких суток. Несколькими часами ограничено время общения гостей, в то же время собравшиеся вместе члены группы на курсах могут осуществлять речевое взаимодействие на протяжении продолжительного времени — от нескольких месяцев до нескольких лет.

Существование временных речевых коллективов характеризуется периодичностью. С одной стороны, проявление речевой активности может носить разовый характер (случайный разговор за кружкой пива), с другой стороны, речевая активность может проявляться многократно: постоянно встречающаяся компания гостей, академическая группа.

Состав временной речевой группы может быть постоянным, но может и меняться: за время поездки меняются пассажиры в купе, может изменяться состав гостей, в то же время может образовываться достаточно устойчивая группа ("В наш тесный круг не каждый попадал"). Степень знакомства между членами группы может быть нулевой (пассажиры в купе) и достаточно высокой (гости). Даже на достаточно коротком отрезке времени эта степень знакомства может изменяться.

Отношения между членами группы могут быть официальными (встреча писателя с читателями) и неофициальными (беседа у ларька). Но эти отношения могут носить и промежуточный характер (человек, который впервые оказался в уже сложившейся компании) и при этом иметь некоторую динамику (стал "своим" человеком, "наш" человек).

Все указанные обстоятельства оказывают существенное влияние на характер речевого поведения. Посмотрим, как происходит формирование кратковременного речевого коллектива, на примере вагона пригородной электрички.

Сразу отметим, что каждый присутствующий в вагоне ощущает себя частью речевого целого. К вагону в целом обращаются контролеры ("Граждане, приготовьте билетики"), многочисленные представители транспортной торговли ("Вас приветствует

транспортная торговля"), вагонные исполнители песен ("Уважаемые пассажиры, чтобы дорога не показалась вам долгой...").

Члены данного речевого коллектива свободны в выборе степени активности своего речевого поведения. Пассажир имеет право молчать, не поддерживая разговор, и в то же время может активно поддержать предложенную попытку заговорить. И то, и другое будет в пределах нормы. Заметим, что есть речевые коллективы, где активная речевая деятельность вменяется в обязанность присутствующему. Так, например, участник вечеринки не должен "сидеть как пень", это противоречит правилам речевого поведения в данной ситуации. В то же время никто не может упрекнуть пассажира в том, что он сидит как пень. Его речевая активность хотя и возможна, но не является обязательной. Пассажир имеет право на молчание, которое понимается не как отсутствие внешней речи, а как обращенность к себе и погружение во внутреннюю речь.

При активном речевом поведении пассажир придерживается определенных правил.

Для того чтобы начать разговор, достаточно иметь повод и не обязательно иметь причину. Поводом для разговора может быть чей-то кот, собака, корзина с грибами, букет цветов и т.п.

Важна сама возможность разговора с незнакомым человеком, который может больше никогда не встретиться. Такому собеседнику можно без боязни высказать мысли, которые вас волнуют и которые вы по каким-либо причинам не можете высказать близким или знакомым. При таких условиях публичность речевого общения странным образом сочетается с интимностью. Именно поэтому так легко вписывается в общую речевую атмосферу исполняемая под гитару песня любой тематики: и про то, как казаки выгнали на берег Дона лошадей, и про страдания возлюбленных, и про философский ослепительный миг, который и является нашей жизнью между прошлым и будущим, и т.д.

Существенным компонентом такого речевого коллектива является его письменная речевая составляющая. Кратковременный речевой коллектив воспринимается как место,

способствующее проявлению творческой речевой потенции, что проявляется в виде языковой игры. Приемы различны. Один из наиболее специфических — это переделывание различного рода предупреждающих надписей. Так, например, традиционная надпись "Места для пассажиров с детьми и инвалидов" преобразуется путем стирания букв в надписи "Ест пассажиров инвалид" и "Я пассажир, ты инвалид". Функциональным заместителем запятой является построчное расположение материала, буква "ы" сделана из сочетания "ьм". Небезынтересны надписи в тамбурах. Кроме традиционных матерных слов, объяснений в любви и желания засвидетельствовать свое местопребывание здесь много бытового, философского.

Именно неформальный речевой коллектив является тем основным генерирующим речевую продукцию механизмом, работа которого и ведет к обогащению языковой системы. Именно в неформальных речевых коллективах (компаниях) рождаются и рассказываются анекдоты, разнообразные байки, истории, случаи, здесь рождаются (а очень часто и умирают в неизвестности) шутки, каламбуры, а также другие многочисленные неклассифицированные и незафиксированные образцы остроумия, речевого блеска и изыска, куртуазности.

Путь речевой продукции в общество оказывается следующим: кратковременный речевой коллектив — сфера бытовой разговорной речи — произведение словесного творчества вторичного типа (писательский текст).

Отсюда еще одно интересное предположение. Любое писательское творчество — вторичный вид речевого творчества (не случайно здесь имеют значение такие факторы, как образование, профессиональные навыки и т.п.).

Приоритет бытового неформального речевого творчества оказался зафиксированным в литературных книжных текстах. Обратим внимание на то, что во многих литературных произведениях поначалу присутствовал рассказчик. В рассказах создавался хотя бы кратко образ той речевой компании, которая давала ему возможность проявить свое речевое мастерство. Не случайно назва-

ние жанра "рассказ" происходит от слова "рассказывать". Приведем несколько примеров из Тургенева.

"...Расскажите-ка вы нам что-нибудь, полковник", — сказали мы наконец Николаю Ильичу. Полковник улыбнулся, пропустил струю табачного дыма сквозь усы, провел рукою по седым волосам, посмотрел на нас и задумался. Мы все чрезвычайно любили и уважали Николая Ильича за его доброту, здравый смысл и снисходительность к нашей братье молодежи. Он был высокого роста, плечист и дороден; его смуглое лицо, "одно из славных русских лиц", прямодушный умный взгляд, кроткая улыбка, мужественный и звучный голос — все в нем нравилось и привлекало. "Ну, слушайте ж, — начал он. — Дело было..." (Жид).

В один осенний день съехалось нас человек пять записных охотников у Петра Федоровича. ... Обед был, как водится в подобных случаях, чрезвычайно приятный; мы хохотали, рассказывали происшествия, случившиеся на охоте, и с восторгом упоминали о двух знаменитых "угонках". ... Разговоры имеют свои судьбы — как книги (по латинской половице), как все на свете. Наш разговор в этот вечер был как-то особенно разнообразен и жив. От частных восходил он к довольно важным общим вопросам, легко и непринужденно возвращался к ежедневностям жизни... Поболтавши довольно много, мы вдруг все замолчали. В это время, говорят, пролетает тихий ангел. Не знаю, отчего мои товарищи затихли, но я замолчал оттого, что мои глаза остановились внезапно на трех запяленных портретах в черных деревянных рамках. ... "Что вы это загляделись на эти лица?" — спросил меня Петр Федорович. "Так!" — отвечал я, посмотрев на него. "Хотители выслушать целый рассказ об этих трех особах?" — "Сделайте одолжение", — отвечали мы в один голос. <...> "Господа, — начал он, — я происхожу от довольно старинного рода..." (Три портрета).

В небольшой, порядочно убранной комнате, перед камином, сидело несколько молодых людей. Зимний вечер только что начинался; самовар кипел на столе, разговор разыгрывался и переходил от одного предмета к другому. Начали толковать о людях необыкновенных и о том, чем они отличаются от обыкновенных людей. Каждый излагал свое мнение как умел; голоса возвысились и зашумели. Один небольшой, бледный человек, который долго слушал, попивая чай и покуривая сигарку, разглагольствования своих товарищей, внезапно встал и обратился ко всем нам (я тоже был в числе споривших) с следующими словами:

- Господа! все ваши глубокомысленные речи в своем роде хороши, но бесполезны. Каждый, как водится, узнаёт мнение своего противника и каждый остается при своем убеждении. Но мы не в первый раз сходимся, не в первый раз мы спорим и потому, вероятно, уже успели и высказаться и узнать мнения других. Так из чего же вы хлопчете?

Сказав эти слова, небольшой человек небрежно стряхнул в камин пепел с сигарки, прищурил глаза и спокойно улыбнулся. Мы все замолчали.

- Так что ж нам, по-твоему, делать? — сказал один из нас, — играть в карты, что ли? лечь спать? разойтись по домам?

- Приятно играть в карты и полезно спать, — возразил небольшой человек, — а разойтись по домам теперь еще рано. Но вы меня не поняли. Послушайте: я предлагаю каждому из вас, уж если на то пошло, описать нам какую-нибудь необыкновенную личность, рассказать нам свою встречу с каким-нибудь замечательным человеком. Поверьте мне, самый плохой рассказ гораздо дельнее самого отличного рассуждения.

Мы задумались.

- Странное дело, — заметил один из нас, большой шутник, — кроме самого себя, я не знаю ни одного необыкновенного человека, а моя жизнь вам всем, кажется, известна. Впрочем, если прикажете...

- Нет, — воскликнул другой, — не нужно! Да что, — прибавил он, обращаясь к небольшому человечку, — начни ты. Ты нас всех сбил с толку, тебе и книги в руки. Только смотри, если твой рассказ нам не понравится, мы тебя освищем. — Пожалуй, — отвечал тот.

Он стал у камина; мы уселись вокруг него и притихли. Небольшой человек посмотрел на всех нас, взглянул в потолок и начал следующим образом:

- Десять лет тому назад, милостивые государи мои, я был студентом в Москве... (Андрей Колосов)

Анализируя приведенные отрывки, мы должны обратить внимание на ряд особенностей.

- Все такие коллективы формируют ситуацию общения, способствующую порождению речи.
- Существуют речевые предпочтения. Статус повествования выше статуса рассуждения (особая тема).
- Речевой коллектив ценит достоинства речи.
- Говорящий осознает свою речевую ответственность.

- Осуждаются безответственные пустые разговоры (бесполезные речи).
- Существует речевой лидер.
- Статус разговора приравнивается к статусу поступка, решения (разговоры имеют свои судьбы... как все на свете).

Повторим (поскольку это принципиально важно), что речевая продукция, порождаемая таким кратковременным речевым коллективом, имеет свою ярко выраженную специфику. Перед нами именно тот общественный речевой механизм, который порождает речевую продукцию особого рода. Ее можно назвать "живой", способной к дальнейшему творческому существованию. Она в дальнейшем передается из уст в уста, трансформируется при этом в содержательном и техническом отношении, может переходить в сферу профессионального словесного творчества. В этом ее отличие от речевой продукции, лишенной речевой жизненной силы, существующей в застывшей речевой форме, лишенной развития (документ, научное произведение и т.п.).

И, наконец, обратим внимание на еще один тип речевых коллективов, которые мы предложили бы назвать **виртуальными речевыми коллективами**. Автор текста, особенно если он является профессионалом речи, может при создании текста мысленно в своем сознании формировать тот речевой коллектив, членом которого он себя ощущает. Точно так же автор может мысленно создавать себе образ читателя, к которому он хотел бы обратиться свое произведение. Широко известны многочисленные факты, когда писатели мыслят себя представителями того или иного литературного направления и декларируют эту принадлежность. Принадлежность к направлению предполагает и ориентацию на вполне определенный круг авторов текстов-предшественников. То, что называется словом "предтеча". Поэтому виртуальный речевой коллектив может включать в свой состав авторов, которые жили в разные времена и разные эпохи. Подражание, стилизация — все это проявления коллективного речевого творчества.

Истолкование текста предполагает определение того круга

писателей, с текстами которых мысленно общался автор при создании текста. Приведем в качестве примера диалог раннего Блока с известными русскими поэтами и прозаиками, который был реконструирован исследователем на основе анализа произведений Блока: "Эта первая пора творчества (1898-1900) была периодом накопления опыта и поэтического самоопределения Блока. В то время он как бы "переживал" русскую поэзию от Жуковского до Фета: он и мыслил, и чувствовал, и творил в ее романтическом духе. Вместе с тем ему дороги и близки Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Полонский. Их мотивы, образы, цитаты то и дело мелькают в его ранних стихах" (Быстрое 1998: 183). Перед нами виртуальный речевой коллектив, сформированный Блоком.

Взгляд на членение речевой практики общества с точки зрения категории речевого коллектива, обращает наше внимание на то, что формы бытования словесного произведения в обществе различны. Если речевые современники и даны обществу в целых текстах, то авторы- и тексты-предшественники даны часто в виде цитат, пересказов, аллюзий, реминисценций и т.п.

Речевой виртуальный коллектив включает в свой состав и совершенно определенный тип читателей. Укажем в качестве характерного примера на стихотворение Н.С.Гумилева "Мои читатели". Отношения с читателем занимают существенное место в творчестве практически любого поэта, причем, в отличие от прозы, они здесь выражены эксплицитно (вспомним, например, творчество, М.И.Цветаевой. "Всякое литературное слово, — писал М.М.Бахтин, — более или менее остро ощущает своего слушателя, читателя, критика и отражает в себе его предвосхищаемые возражения, оценки, точки зрения. Кроме того, литературное слово ощущает рядом с собой другое литературное слово, другой стиль" (Бахтин 1979:228). Поэтому виртуальный речевой коллектив может включать в себя авторов различной стилистической принадлежности. Так, что касается Блока, широко известен его духовный диалог с Платоном и особенно с Вл.Соловьевым.

Все сказанное относится, естественно, не только к словесному художественному творчеству. Обычно очерчен круг лиц,

образующих виртуальный речевой коллектив, членом которого ощущает себя ученый или публицист. Практически все произведения В. И. Ленина — это полемические произведения, спор с современниками и не только с современниками. А диалог с читателем для публицистического текста вообще имеет статус конституирующего признака.

Таким образом, речевая продукция виртуального речевого коллектива — это совокупность текстов разных писателей, политиков, философов, живших в разные времена, исповедовавших разные политические, этические и эстетические учения. Эта совокупность текстов выступает как одно речевое целое только благодаря тому, что все они оказались членами одного виртуального речевого коллектива, созданного чьим-то мощным интеллектом.

Как правило, создание виртуального речевого коллектива сопровождается и созданием соответствующей стилеобразующей концепции, на основе которой и осуществляет свою деятельность виртуальный речевой коллектив. Непосредственным производителем речи здесь является тот профессионал речи, чьим интеллектом и порожден этот речевой коллектив.

Некоторые специфические особенности текстов, порождаемых речевым коллективом, в значительной степени будут определяться речевой организацией профессионала речи, а также такими аспектами языковой личности, как языковая способность, коммуникативная потребность, коммуникативная компетенция, языковое сознание, речевое поведение (Карасик 2003: 98). Однако мы оставляем пока в стороне эти проблемы, так как здесь открывается самостоятельное направление исследования речевого материала — языковая личность в речевом коллективе.

Все сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что введение в практику изучения речи категории "речевой коллектив" позволяет по-новому взглянуть на стилевую специфику речевых явлений, на характер сосуществования текстов в речевой практике общества, глубже понять принципы структурирования этой практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бахтин М.М., 1979, Проблемы поэтики Достоевского. Москва.
Богин Г.И., 1975, Уровни и компоненты речевой способности человека. Калинин.
Быстрое В.Н., 1998, *Блок*, Русские писатели, XX век. Ч. 1. Ленинград—Москва.
Карасик В.И., 2003, *Аспекты языковой личности*, Проблемы речевой коммуникации. Вып. 3. Саратов.
Караулов Ю.Н., 1987, Русский язык и языковая личность. Москва.
Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация, 2003. Москва.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

- Коньков В.И., 1990, *Стандарт как явление речевой структуры газетного текста*, Вестник ЛГУ. № 9.
Коньков В.И., 1995, Речевая структура газетного текста, С.-Петербург.
Коньков В.И., 1997, *Бульварная пресса как тип речевого поведения*, Логос, общество, знак (к исследованию проблемы феноменологии дискурса). С.-Петербург.
Коньков В.И., 2000, *Литературный портрет как речевая система («Некрополь» В. Ф.Ходасевича)*, Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика. Сборник статей. Ред.-сост. В.В.Перхин. С.-Петербург.
Коньков В.И., 2000, *Нужно ли реформировать русское правописание?* Мир русского слова. № 4.
Коньков В.И., 2001, *Стиль как речевая категория*, В поисках смысла: Сборник статей в честь профессора К.А.Роговой. С.-Петербург.
Коньков В.И., 2001, *Являются ли СМИ могильщиками русского языка?* Мир русского слова. № 3.
Коньков В.И., 2002, *Литературный портрет как художественный образ*, Русский литературный портрет и рецензия в XX веке: Концепции и поэтика. Сборник статей. Ред.-сост. В.В.Лерхин. С.-Петербург.
Коньков В.И., 2002, *СМИ как речевая система*, Мир русского слова. № 5.
Коньков В.И., 2004, Речевая структура газетных жанров: Учеб. пособие. С.-Петербург.